

Смыковская Татьяна Евгеньевна

ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЙ ПЕРИОД В СУДЬБЕ И ТВОРЧЕСТВЕ А. И. ЦВЕТАЕВОЙ

Статья посвящена судьбе и творчеству Анастасии Ивановны Цветаевой. В частности, объектом обзора становится дальневосточный период, на который приходятся годы, проведённые писательницей в заключении. В статье представлены уникальные архивные материалы, проливающие свет на "белые пятна" биографии, два лагерных поэтических цикла ("Пёс под луной" и "Мыльные пузыри") и лирический роман "Амор", создававшийся в исправительно-трудовом лагере.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2015/9-1/46.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 9 (51): в 2-х ч. Ч. I. С. 167-170. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2015/9-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

важнейших текстовых категорий, являясь результатом его интенций, осмысленного целенаправленного выбора, характеризуют логику мышления автора, его стиль выражения мыслей, коммуникативное намерение, раскрывают особенности выстраивания и языковые закономерности исторического повествования.

Список литературы

1. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: Наука, 1981. 140 с.
2. Ключевский В. О. Сочинения: в 9-ти т. М.: Мысль, 1987. Т. 1. Курс русской истории. Ч. 1 / под ред. В. Л. Янина; послесл. Р. А. Киреевой; коммент. сост. В. А. Александров, В. Г. Зими́на. 430 с.
3. Ключевский В. О. Сочинения: в 9-ти т. М.: Мысль, 1987. Т. 2. Курс русской истории. Ч. 2 / под ред. В. Л. Янина; послесл. и коммент. составили В. А. Александров, В. Г. Зими́на. 447 с.
4. Ключевский В. О. Сочинения: в 9-ти т. М.: Мысль, 1988. Т. 3. Курс русской истории. Ч. 3 / под ред. В. Л. Янина; послесл. и коммент. составили В. А. Александров, В. Г. Зими́на. 414+1 с.
5. Ключевский В. О. Сочинения: в 9-ти т. М.: Мысль, 1989. Т. 4. Курс русской истории. Ч. 4 / под ред. В. Л. Янина. 398 с.
6. Ключевский В. О. Сочинения: в 9-ти т. М.: Мысль, 1989. Т. 5. Курс русской истории. Ч. 5 / под ред. В. Л. Янина; послесл. и коммент. составили В. А. Александров, В. Г. Зими́на. 476 с.
7. Малый академический словарь [Электронный ресурс]. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/mas/37369/оглянуться> (дата обращения: 12.05.2015).
8. Смирнова Н. Г. «История России с древнейших времён» С. М. Соловьёва: многослойная организация текста: монография. Ставрополь: ООО СКИ «Мысль», 2011. 180 с.
9. Чиговская Я. А. Категории ретроспекции и проспекции в русских научных текстах: автореф. дисс. ... к. филол. н. Пермь, 2001. 22 с.
10. Чиговская Я. А. Категории ретроспекции и проспекции в русских научных текстах // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 8 (38): в 2-х ч. Ч. I. С. 206-209.
11. Чиговская Я. А. Textoобразующие категории проспекции и ретроспекции в научном тексте (сравнительно с художественным) // Вестник Пермского ун-та. 2009. Вып. 6. С. 31-33.
12. Шаймиев В. А. Метадискурсивность научного текста. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 1999. 281 с.

REALIZATION OF THE CATEGORIES OF RETROSPECTION AND PROSPECTION IN "A HISTORY OF RUSSIA" BY V. O. KLYUCHEVSKY

Smirnova Nonna Georgievna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Technological Institute of Service (Branch) of the Don State Technical University
sng232@mail.ru

The article examines the manifestation of the basic text-formative categories of the scientific discourse – categories of prospection and retrospection – in the historical text by V. O. Klyuchevsky. The author emphasizes that the text of "A History of Russia" by V. O. Klyuchevsky is penetrated with the retrospective-prospective relations which is a peculiarity of developing historical narration.

Key words and phrases: historical discourse; textual categories; narrative anachrony; prospection; retrospection.

УДК 821.161.1

Филологические науки

Статья посвящена судьбе и творчеству Анастасии Ивановны Цветаевой. В частности, объектом обзора становится дальневосточный период, на который приходится годы, проведённые писательницей в заключении. В статье представлены уникальные архивные материалы, проливающие свет на «белые пятна» биографии, два лагерных поэтических цикла («Пёс под луной» и «Мыльные пузыри») и лирический роман «Атог», создававшийся в исправительно-трудовом лагере.

Ключевые слова и фразы: автобиографический роман; поэтическое творчество; лагерный лирический цикл; стихотворение; поэтический сборник; жанровая синестезийность.

Смыковская Татьяна Евгеньевна, к. филол. н.

Благовещенский государственный педагогический университет
tarkatova@yahoo.com

ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЙ ПЕРИОД В СУДЬБЕ И ТВОРЧЕСТВЕ А. И. ЦВЕТАЕВОЙ©

Десять лет жизни А. И. Цветаева провела на Дальнем Востоке. Несмотря на то, что цветаевское пребывание на дальневосточных рубежах не было актом свободной воли, годы, прожитые в заключении, являются одним из значимых периодов творческой биографии. Сама А. И. Цветаева называла себя «прочным прозаиком» [3, с. 3], однако именно в лагере раскрылся и расцвёл её лирический дар.

А. Цветаева вместе с сыном была арестована 1 сентября 1937 года в Тарусе. 10 января 1938 г. осуждена судебной тройкой УНКВД СССР по Московской области за антисоветскую деятельность на 10 лет. Согласно архивной карточке заключённого, с московским этапом 19 февраля 1938 года она прибыла в Байкало-Амурский исправительно-трудовой лагерь (БАМлаг) [1, д. 322]. О времени, проведённом в БАМлаге (с мая 1938 – в Амурлаге), повествует автобиографический роман «Амог» (1939-1941; 1972), в хронологической последовательности воссоздающий лагерную жизнь Цветаевой. После ареста и многочасовых издевательских допросов её ожидал долгий этап: «Везут. Куда? Сажают в поезд. Четырнадцать женщин помещают в одно отделение вагона, странного. Двойной коридор. <...> В два этажа – нары по семь – внизу, наверху. <...> Очень холодно. Ложились тесней. Жевали солёную рыбу» [5, с. 16]. Приехав в лагерь, Цветаева в течение шестнадцати месяцев «скиталась по разным колоннам», их постоянно перебрасывали, долгое время работала поломойкой: «... в бараках с полами из брёвен, между каждой парой из них надо было – чем хочешь – вынуть полужидкую, полугустую грязь, вытаскивать ящик с ней, и только затем, пройдя так весь барак, начинать таскать воду и лить, лить её, несчётно под нары...» [Там же, с. 21]. Затем Цветаеву перевели на кухню, из которой она была отправлена в мужскую 256-ю колонну кубовщицей: «... вставала с работягами в половине пятого и... шла – одна женщина с – их было 290! – мужчинами пять километров до места работы» [Там же]. Лагерные скитания прекратились, когда Цветаева благодаря А. Этчину (прототип Морица в романе) была переведена в проектно-сметное бюро, где проработала длительное время. Из романа известно, что Этчину приглянулось цветаевское умение чертить и говорить на нескольких иностранных языках. Следуя архивным данным, 1 марта 1941 года Цветаева была этапирована в БУРлаг (станция Известковая Дальневост. ж.д., совр. Еврейская авт. обл.), где пробыла до дня освобождения (1 сентября 1947 г.) [1, д. 322]. Цветаева трудилась на кирпичном заводе, была отправлена в инвалидный городок, затем на чертёжную работу, занималась английским языком с полит- и медработниками, а также их детьми. Одна из учениц, Нина Туманова, вспоминала, как ребята вместе с Анастасией Ивановной из простой бумаги делали «волшебные» игрушки к праздничной ёлке [2, с. 128]. «За отказ сожительства с начальником штаба колонны» Цветаева сослана в прачечную, спасали только стихи: «Удивительно! *Нацело* от белья, пара, вшей отдирает её ритм стиха! Руки трут, а душа подымается над корытом» [5, с. 366]. С 1948 года Цветаева проживала в ссылке (с. Пихтовка, Новосибирская обл.), в 1959 г. по отсутствию состава преступления реабилитирована, в 1962 г. вернулась в Москву.

В воспоминаниях Цветаева напишет: «Поток стихов залил мои тюремные дни (стихи, рождённые в воздух, утверждённые памятью, ибо даже карандаш в советских тюрьмах был запрещён)» [4, с. 180]. Расцвет поэтического творчества приходится на годы, проведённые в лагерях. Сначала творила на английском, когда «рифмы полетели в изобилии» [3, с. 3], перешла на русский. По признанию Цветаевой, стихи она писала до 1943 г., «до того, как в заключении на Дальнем Востоке узнала – два года от меня скрывали – о гибели Марины. Сам собою иссяк источник стихов» [Там же]. Стихотворения, написанные в заключении, вошли в «Мой единственный сборник», опубликованный в 1995 году.

Книга состоит из пяти циклов. Стихотворения, написанные в БАМлаге (Амурлаге), вошли в такие циклы, как «Пёс под луной» и «Мыльные пузыри». Ведущее настроение «Пса под луной» – тоска, тоска по воле, по любви, по искусству, по родным и близким, по городам, в которых когда-то бывала сама, где жили дорогие сердцу друзья: «Цвети же в вечности, моя натура, / Щепотка пепла, горсточка песка / Преображённого. Так от берегов Амура / Стихом возносится моя тоска» [Там же, с. 97]. Однако лирическая героиня не поддаётся всеобъемлющей тоске, сопротивляясь нахлынувшему отчаянию: «На луну, как пёс, я не завою, / Мне тоски не заболеть запоем, – / Под луною нынче, пёс, не вой!» [Там же, с. 82]. Она не мыслит «погибнуть в БАМе, / Ведь это просто было бы смешно!» [Там же, с. 83]. Одного страшится героиня – времени, превращающего её в «старуху»: «Мои тревожит светлые мечтанья – / Старухою, горбатою с клюкой / Я вам предстану... Знайте то заранее, / Чтоб дверь галантно мне открыть – такой!» [Там же].

Лейтмотивом цикла является образ дороги. В стихотворении «Путевое» (1938) перед читателем поезд, мчащийся заключённых на Дальний Восток. Лирическая героиня в какой-то мере даже благодарна этапу, поскольку именно он дарит ей свидания с тем, что она видела лишь «на карте»: «Я спать не буду в эту ночь. Байкал / Навстречу мне несётся. Эти реки – / Иртыш и Ангара и Енисей <...> / Мне собеседниками будут ночью сей...» [Там же, с. 75]. Действие стихотворения разворачивается ночью, когда этапные поезда мчались и можно было не только забыться, уснуть, но и погрузиться в «запой стихов» [Там же, с. 74], размыкающий «тесноту и тьму вагона» [Там же, с. 76]. Несмотря на вагонный мрак, на ограниченность внешнего топоса, внутренний локус героини, выбирающей в собеседники Ангару и Енисей, мечтающей о любви и поэзии, уповавшей на небесную помощь, способен раздвигать до бесконечности. Запоминающимися приметами этапа становятся и встречи с людьми, одна из них описана в «Портрете» (1938), посвящённом Б. А. Бахтину, в котором лирическую героиню привлекает противоречивая натура, способная воплощать черты то Базарова, то Ставрогина. Известно, что Цветаеву вдохновляли личности, находящиеся в поисках себя, идущие по пути целостности и гармонии: «Образ Ваш из тесноты и тьмы вагона / Многодневного на вольный выйдет свет, / И все Ваши “Я” в прощания поклоне / Я солью в единый Ваш портрет» [Там же]. В стихотворении «Буран» (1938) железнодорожный этап переходит в пеший путь до лагеря: «В снеговых заносах, в каторжном буране / Спотыкается этап. Пощадь нет: / Падаю, но не сдаюсь Фатаморгане...» [Там же, с. 81]. Заключённые отождествлены с солдатами Наполеона, бредущими «по снегу в лаптях и в летних макинтошах» [Там же]. Дорога, как и вся лагерная жизнь, предстаёт бредом, страшным и неправдоподобным сном.

Центром заключительного цикла «Мыльные пузыри» являются две молитвы. «Благовещенье» (1938) – одно из лучших стихотворений Цветаевой, восстановленное по памяти в девяносто шесть лет и обращённое к Божьей Матери: «Взгляни на наш смрадный ад, / На измученных, искалеченных!..» [Там же, с. 134]. Конечные строки – «Скоро вечер. Под тучами светел закат / В Благовещенье» [Там же] – о победе света над тьмой, о попрании лагеря-ада. В «Разрешающем аккорде» (1943), молитве к Богу, торжество «света духа», олицетворённого в дальневосточных «пиловых воскрыльях гор» и «золотой солнечной пыли» [Там же, с. 135].

Героиня Цветаевой часто изображается птицей, мечтающей взлететь и покинуть пределы лагерного пространства, освободить не только тело, но и душу. Образ птицы, которую «ввысь поит» [Там же, с. 80], усиливается воздушной стихией ветра, разлитой в художественной вселенной. Для лирической героини «струи ветра целительны» [Там же, с. 104]. Она, находясь даже в замкнутом пространстве мчащегося ночного этапного вагона, не может не ощущать преобразующего полёта. Один из излюбленных эпитетов А. И. Цветаевой – «лёгкий», подчеркивающий телесную невесомость, устремлённость к небу, одухотворённость жизни и природы.

Два стихотворения («Сыну», 1941; «Мы», 1940), входящие в «Мыльные пузыри», посвящены сыну, А. Б. Трухачёву, «самому вожделенному» [Там же, с. 127] для Цветаевой человеку. Однажды в лагере поэтесса из репродуктора услышала вальс, который напомнил ей о событиях молодости, о первой встрече с Б. С. Трухачёвым, отцом её ребёнка: «Музыка. А где-то, часовые, – / Всё ли там спокойно, на Амуре? / Обухом – вальс. И покорно выно / Под вальс “На сопках Манчжурии”... // Я ведь не знала, что сбудется / Вальс. Что Манчжурская тень / Так мне – что позабудется / Этот, как многие, день...» [Там же, с. 129].

Поэзия А. Цветаевой автобиографична и порой сложна для восприятия, поскольку наполнена мифологическими аллюзиями и литературными реминисценциями. Стихотворное творчество Цветаевой, в противовес «прозрачному» прозаическому, рассчитано на эрудированного читателя. Лирика предельно эмоциональна, что получает выражение в поэтическом синтаксисе и графике (много восклицаний, тире, скобок, разрывов и переносов строк). Для Цветаевой характерна жанровая синестезийность (сюита, аккорд, портрет, натюр-морт), отражающая как культурную атмосферу, воспитавшую поэтессу, так и многогранность её личности.

Большинство стихотворений «Мыльных пузырей» являются поэтической частью лагерного романа «Амог», они призваны охарактеризовать главную героиню произведения, Нику. История создания романа изложена в авторском предисловии: «“Амог” родился из поэмы. Он рос, разгораясь, как одинокий костёр в лесу... Он писался на Дальнем Востоке, в зоне, в часы отдыха, после десятичасового рабочего дня, на нестандартной бумаге, на маленьких листах, чернильным карандашом, так мелко, что прочесть его не смог бы никто, кроме автора, – и то по его близорукости» [5, с. 3]. Лагерным начальником Цветаевой через вольнонаёмного главы отправлялись в письмах в Москву, где хранились до 1947 года: «Получая его (уже в Вологодской области, где работал сын) из рук родственницы... автор с удивлением заметил, что в нём не хватает целой, отдельной части, которая была задумана позже, как вводная, тем помогая рукописи стать романом многоплановым» [Там же]. Пропавшая часть была написана на «ценной» папиросной бумаге: «...“ароматную” часть выкурили всю, без остатка» [Там же]. Цветаева переименовывает «Амог» в «Руины романа» и вновь обращается к нему только в 1972 году: «...у меня выпало свободное время, и я раскрыла рукопись, которую не перечитывала с 1941. Я сказала себе “Перечти!”. Перечитала и одобрила. Написала и вставила в “Руины романа” новые главы – вместо выкуренных. И вновь стал “Амог”, и дожид до нынешних дней» [Там же, с. 4].

В романе три повествовательных пласта. Первый уводит в прошлое главной героини, Ники, рассказывая о её юности, молодости и зрелых годах. Ника предстаёт женщиной, пропитанной любовью, рождённой для неё, ею живущей и вдохновляющейся. Образ Ники автобиографичен (вплоть до сохранения реальных имён мужей, сыновей, возлюбленных, друзей). Воспоминаниям посвящено 4 главы («Из жизни Ники. Между горем и счастьем», «Из жизни Ники. Смута», «Повести из жизни Ники. Свобода», «Преодоление. Из жизни Ники»), оформленные как художественное произведение, адресованное Морицу, с которым героиня пытается духовно сблизиться. Герой второго повествовательного слоя – Мориц. Ника, задумывая о нём поэму, просит подробнее рассказать о себе (главы «Мориц в Америке», «На работе и после работы. Детство Морица», «Мальчики на царской войне. Первая седина Морица» и др.). Мориц, по ощущению Ники, человек глубокий, но не желающий своей глубины. Третья повествовательная линия сюжетно соединяет главных героев в лагерном пространстве проектного бюро. Мориц одержим работой, после освобождения в качестве вольнонаёмного остаётся на Дальнем Востоке, где умирает от туберкулёза. Ника предстаёт целевой личностью, не сломленной лагерной участью. Она верна жизненным принципам, не ожесточена. Героиня любит, заботится об окружающих, переживает творческий подъём от встречи с Морицем. Жизнь в заключении остаётся жизнью, она дарит новые встречи, эмоциональные всплески, не обедняя, а обогащая внутренний мир героини: «...я даже в таком горе – всё-таки люблю жизнь» [Там же, с. 358].

Дальневосточный период – важнейшая веха в творческой судьбе Анастасии Цветаевой, поскольку в условиях несвободы она смогла не только не погибнуть, но состояться как поэт и создать лирический роман «Амог», пронизанный стихотворными произведениями.

Список литературы

1. **Архив УМВД России по Амурской обл.** Ф. 58. Картотека № 3 заключённых БАМлага НКВД.
2. **Туманова Н.** Разговор с собой и Анастасией Цветаевой // Колючая правда. Хабаровск: Хабаровское кн. изд-во, 1990. С. 128-131.
3. **Цветаева А. И.** Мой единственный сборник: стихи. М.: Дом-музей Марины Цветаевой; Изд-во «Изограф», 1995. 207 с.
4. **Цветаева А. И.** Неисчерпаемое. М.: Отечество, 1992. 320 с.
5. **Цветаева А. И.** *Амог*: роман и повесть. М.: Современник, 1991. 494 с.

FAR EASTERN PERIOD IN THE DESTINY AND CREATIVE WORK OF A. I. TSVETAEVA

Smykovskaya Tat'yana Evgen'evna, Ph. D. in Philology
Blagoveshchensk State Pedagogical University
tarkatova@yahoo.com

The article is devoted to the destiny and creative work of Anastasiya Ivanovna Tsvetaeva. In particular, the research is focused on the Far Eastern period which covers the years spent by the writer in prison. The paper presents unique archival materials throwing light on the “white spots” of her biography, two prison poetical cycles (“Dog under the Moon” and “Bubbles”) and lyrical novel “Amor” which was created in the prison camp.

Key words and phrases: autobiographical novel; poetical creation; prison lyrical cycle; poem; collection of poetry; genre synesthesia.

УДК 811.11-112

Филологические науки

Целью данной работы является исследование фразеологизмов и пословиц как средства вербализации концепта «время» в английской языковой картине мира. Для достижения этой цели в работе последовательно решаются две задачи: во-первых, дать краткое представление о современной концепции языковой картины мира и концепта; во-вторых, провести практическое исследование концепта «время» в английском языке по данным английских фразеологизмов и пословиц.

Ключевые слова и фразы: когнитивная лингвистика; фразеологизмы; пословицы; языковая картина мир; концепт; концептосфера.

Тепкеева Вероника Владимировна, к. филол. н.

Санкт-Петербургский государственный экономический университет
englishtutor2007@yandex.ru

**ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ И ПОСЛОВИЦЫ КАК СРЕДСТВА ВЕРБАЛИЗАЦИИ
КОНЦЕПТА «ВРЕМЯ» В АНГЛИЙСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА©**

Когнитивная лингвистика является перспективным направлением в современных исследованиях. Методами когнитивной лингвистики можно выявить, помимо всего прочего, и систему представлений, представляющую языковую картину мира какого-либо народа. Это особо важно в современных условиях, когда мир становится все более единым, общение представителей разных народов осуществляется все более широко, и, следовательно, проблемы взаимопонимания при межнациональном общении становятся все более актуальными.

Концепт – понятие, использующееся очень широко в разных сферах деятельности, в наиболее широком понимании означает мысль, идею, но идею, не обязательно связанную с реальностью. Например, концепт-карами в автомобильной промышленности называют экспериментальные модели автомобилей, в которых воплощаются инновационные конструкторские и дизайнерские подходы, но которые не обязательно будут применяться в серийных автомобилях. Для концептуального искусства, аналогично, мало значения имеет форма выражения, главным является идея.

1. Слово «концепт» вошло в разные языки мира из латыни, где существительное *conceptum* обозначало «понятое, ясное», и, в свою очередь, происходило от глагола *concipere*, означающего «принимать, впитывать», а также «принимать во внимание, понимать, обдумывать» [8, с. 85].

В языкознании имеется свое понятие концепта, которое разрабатывается прежде всего в сфере когнитивной лингвистики. В этой области исследуется картина мира с ее лингвистической стороны – языковая картина мира. Языковой картиной мира принято называть исторически сложившуюся в обыденном сознании народа и отраженную в языке совокупность представлений о мире, иными словами, определенный способ концептуализации действительности [4, с. 77].

Современные представления о языковой картине мира в представлении академика Ю. Д. Апресяна выглядят следующим образом [1]. Каждый естественный язык отражает определенный способ восприятия и организации (концептуализации) мира. Выражаемые в нем значения складываются в некую единую систему взглядов, своего рода коллективную философию, которая усвоена с детства всеми носителям языка в результате обучения и воспитания. Очевидно, что центральным понятием в системе языковой картины мира оказывается концепт [5, с. 128].

При этом под концептом понимается единица концептосферы. Термин «концептосфера» был введен в отечественную науку академиком Д. С. Лихачевым [6]. Это означает, помимо всего прочего, что это понятие вошло в науку изначально не как термин лингвистики, а как термин культурологии. Концептосфера,